

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ**

**БУДДИЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ САНГХА РОССИИ
ДАЦАН ГУНЗЭЧОЙНЭЙ**

УЧЕНИЕ БУДДЫ В РОССИИ

250 лет институту Пандито Хамбо-лам

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2015**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского дацана Гунзэчойнэй*

Печатается по решению Ученого совета ИВР РАН

Редакционная коллегия:

доктор ист. наук проф. *И. Ф. Попова* (председатель);
Б. Б. Бадмаев; доктор ист. наук проф. *В. Л. Успенский*;
кандидат филол. наук *А. В. Зорин* (ответственный редактор);
А. А. Сизова (секретарь)

Рецензенты:

доктор филол. наук *И. В. Кульганек*; кандидат ист. наук *Н. В. Цыремпилов*

Учение Будды в России: 250 лет институту Пандито Хамбо-лам. — СПб.:
Петербургское Востоковедение, 2015. — 186 с. + вклейка.

Сборник подготовлен на основе материалов научно-практической конференции «К 250-летию Института Пандито Хамбо-лам в России», состоявшейся в ИВР РАН и Дацане Гунзэчойнэй 15—18 сентября 2014 г. и собравшей вместе представителей научных, религиозных и культурных учреждений России, Монголии и Польши. Подготовленная на ее основе книга может быть полезной для востоковедов, религиоведов и всех интересующихся историей буддизма в России.

Editorial Board:

Prof. Dr. *I. F. Popova* (chief editor); *B. B. Badmaev*; Prof. Dr. *V. L. Uspensky*;
Dr. *A. V. Zorin* (executive editor); *A. A. Sizova* (secretary)

Peer-reviewed by:

Dr. *I. V. Kulganek*; Dr. *N. V. Tsyrempilov*

The Buddhist Traditions of Russia: Commemorating the 250th Anniversary
of the Lineage of the Pandita Khambo Lamas. — St. Petersburg: St. Pe-
tersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2015. — 186 p.

The book is based on the proceedings of the conference entitled, *On the Occasion of the 250th Anniversary of the Creation of the Institution of the Pandito Khambo Lamas in Russia*, held at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS, and Datsan Kunzechoinei, on September 15—18, 2014. The conference brought together representatives of various academic, religious and cultural institutions of Russia, Mongolia and Poland. The collected papers of this conference will be of use and interest for scholars in Oriental and religious studies, as well as for all those interested in the history of Buddhism in Russia.

ISBN 978-5-85803-488-9

9 785858 034889

© Коллектив авторов, 2015

© Институт восточных рукописей РАН, 2015

© Петербургское Востоковедение, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
Вместо предисловия (<i>В. Л. Успенский</i>).	8
От Забайкалья до столицы: из истории Санкт-Петербургского дацана (<i>Б. Б. Бадмаев</i>)	11
<i>Цонгоол Б. Нацагдорж</i> . Буддийский фактор в общемонгольской идентичности российских бурят в XVIII в.	15
<i>В. А. Беляева-Сачук</i> . Буддийское влияние на современный культ гор у тункинских бурят.	37
<i>Б. Б. Бадмаев (Ширетэ Лама Джампа Доньед), М. Р. Измайлов</i> . Тибетская медицинская практика эмчи-лам	48
<i>Ю. И. Елихина, Л. И. Крякина, А. М. Щеглов (Цультим Лама)</i> . Атрибуция и проблемы реставрации некоторых буддийских изображений из собрания Санкт-Петербургского дацана	57
<i>Ю. И. Елихина</i> . Культ Ваджрапани в искусстве буддизма	67
<i>Ю. В. Болтач</i> . Деятельность монаха Шунь-дао и официальное признание буддизма в государстве Когурё (по данным корейских источников эпохи Корё)	81
<i>А. В. Зорин</i> . О тибетских текстах с берегов Иртыша, поступивших в Санкт-Петербург в первой трети XVIII в.	102
<i>Т. В. Ермакова</i> . Подход Санкт-Петербургской буддологической школы к изучению буддийских монастырей Тибета (1890-е—1910-е гг.)	119
<i>С. С. Сабрукова</i> . Послание Далай-ламы XIII к тибетскому народу. Документ из фонда Д. А. Клеменца (по материалам Архива востоковедов ИВР РАН)	134
<i>Д. В. Иванов</i> . Фотографии русских купцов с Алтая, торговавших в Монголии в конце XIX—начале XX в.	140
<i>М. Ф. Альбедиль</i> . О необуддизме Б. Д. Дандарона	145
<i>Б. М. Нармаев, Е. Ю. Харькова</i> . Лама Данзан-Хайбзун Самаев в воспоминаниях друзей, коллег, родных	155
<i>О. С. Хижняк</i> . Архивные документы и фотоматериалы на выставке, посвященной 250-летию Института Пандито Хамбо-лам	172
<i>А. И. Андреев</i> . Рецензия на книгу: <i>А. А. Терентьев</i> . Буддизм в России — царской и советской. Старые фотографии. СПб.: Нартанг, 2014. 484 с., ил.	183

Т. В. Ермакова

**ПОДХОД САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
БУДДОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ
БУДДИЙСКИХ МОНАСТЫРЕЙ ТИБЕТА
(1890-е—1910-е гг.)**

В статье анализируется научный и организационный вклад С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского в организацию религиозно-этнографических экспедиций в Тибет, предпринятых по инициативе Русского географического общества (РГО) и Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА). На основе материалов об экспедициях Г. Ц. Цыбикова и Б. Б. Барадийна прослежено, каким образом теоретические подходы Санкт-Петербургской буддологической школы были использованы в этой работе.

Ключевые слова: Русское географическое общество (РГО), Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА), буддийские монастыри, С. Ф. Ольденбург, А. М. Позднеев, Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадийн.

Экспедиционное обследование Тибета и Центральной Азии осуществлялось в России Русским географическим обществом и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Рассмотрение особенностей этих учреждений необходимо для понимания, какими возможностями располагала Санкт-Петербургская буддологическая школа для практического применения своего подхода к исследованию монастырей.

История Русского географического общества (РГО), одного из первых научных обществ в Европе, отразила узловые моменты истории российской государственности и дипломатических стратегий, направленных на укрепление контактов с сопредельными странами.

© *Татьяна Викторовна Ермакова* — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН, 2015

Учрежденное в 1845 г., Общество с момента образования неизменно пользовалось поддержкой правительства и покровительством правящего дома Романовых. В 1849 г. оно получило статус Императорского.

Заявленной в Уставе целью РГО были сбор, обработка и распространение географических, этнографических и статистических сведений [Устав РГО, 1898: 1]. Обнародование полученных сведений как аспект реализации уставной цели осуществлялось «посредством чтений и сообщений в собраниях Общества, а также посредством ученой переписки, печатных Записок, периодических и других сочинений, издаваемых им в свет» [Там же: 2].

Установка РГО на распространение сведений, полученных в ходе экспедиций, последовательно реализовывалась в издательской деятельности общества. Именно благодаря изданиям РГО в научный оборот были введены результаты экспедиционных обследований сопредельных с Россией азиатских территорий.

В настоящее время в изучении истории российских центральноазиатских экспедиций наметилась положительная тенденция к анализу форм их организации, задач и результатов (см.: [Андреев, 2013]). Применительно к полевому исследованию буддизма в Тибете можно высказать предположение, что сложившаяся эффективная структура РГО была использована для решения принципиально новой для центральноазиатских экспедиций Общества задачи, а именно религиозно-научной, для подтверждения чего рассмотрим историю подготовки знаменитого путешествия Г. Ц. Цыбикова в Тибет.

Ко времени путешествия Г. Ц. Цыбикова российские путешествия в Центральную Азию, инициированные Русским географическим обществом, принесли значительный объем информации, в том числе этнографической. Не имея целью обследование на предмет функционирования буддийской культуры, Н. М. Пржевальский, М. В. Певцов предварительно знакомилась с литературой о буддизме, о чем свидетельствуют ссылки на В. П. Васильева, о. Иакинфа, а также сведения, добытые католическими и протестантскими миссиями. Г. Ц. Цыбиков тоже изучал литературу о путешествиях в Тибет, в частности, он ссылается на Г. Н. Потанина. Однако постановка преимущественно естественно-научных и географических задач и соответствующая этим задачам подготовка участников экспедиций объективно делала невозможным проведение специального религиозно-научного обследования. Это приводило к парадоксальной ситуации: буддийские монастыри и храмы на маршрутах фиксировались, но описания отличались чрезвычайной наивностью. Так, Н. М. Пржевальский в обширной по объему приоритетных страноведческих сведений монографии «Монголия и страна тангутов» (первая публикация: [Пржевальский, 1879]), опубли-

кованной Географическим обществом, упоминает о буддийских храмах по ходу следования экспедиции и даже описывает их интерьеры.

<...> Как и в других кумирнях, здесь все было рассчитано на то, чтобы завлечь и напугать детское воображение монголов. Многие боги изображены с самыми свирепыми и страшными лицами; они сидят то на львах, то на слонах, быках или лошадях, то давят чертей, змей и тому подобное. Стены кумирни, там, где они уцелели, разрисованы также картинами подобного рода [Пржевальский, 2010: 481].

По этому описанию очевидно, что семантика и символика храмового убранства и буддийской иконографии как таковой не осмыслилась в религиоведческом ключе. Описание буддийской храмовой пластики также обусловлено невозможностью неподготовленному наблюдателю проникнуть в ее смысл:

Вокруг трех стен кумирни помещаются в шкафах 1000 мелких медных божков величиной от 1 до 2 футов, каждый из них имеет особенную позу и атрибуты, между которыми есть до безобразия циничные [Там же: 575].

Однако если задаться вопросом, было ли в принципе возможно получить в 1870-е гг. научно обоснованную информацию о буддийском храмовом зодчестве и иконографии, то придется признать, что такой возможности не было ввиду отсутствия соответствующих опубликованных источников. Таким образом, ценность сведений о буддизме, полученных в результате указанных экспедиций, состоит в обозначении локусов буддийской культуры.

Гомбожаб Цэбекович Цыбиков вошел в историю отечественной буддологии благодаря своему путешествию в Тибет, предпринятому в то время, когда европейцы могли только мечтать об успешном посещении Лхасы. Въезд иностранцев в Тибет запрещался цинским правительством Китая и лхасскими властями, исключение делалось только для буддистов-паломников.

Г. Ц. Цыбиков (1873—1930) — бурят, выходец из Забайкалья. В 1895 г. он поступил на факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета на стипендию П. А. Бадмаева.

В университете Цыбиков обучался, в частности, у А. М. Позднеева. Именно ему принадлежала идея послать Цыбикова в Тибет под видом буддиста-паломника. Эта мысль зародилась у ученого после ознакомления с рукописью паломника-бурята, которую принес ему Цыбиков. Известную роль в этом вопросе сыграла, возможно, и публикация Позднеевым перевода рукописи калмыцкого паломника База-Бакши «Сказание о хождении в Тибетскую страну» [Позднеев, 1897].

Позднеев рекомендовал Цыбикова Русскому географическому обществу, на ответственного секретаря которого, А. В. Григорьева, возложили общее руководство подготовкой всей экспедиции. Отметим, что по результатам путешествия 1899—1902 гг. Географическое общество присудило Цыбикову премию им. Н. М. Пржевальского и наградило его специальной золотой медалью «За блестящие результаты путешествия в Лхасу».

По возвращении путешественник представил Географическому обществу обширный доклад «О Центральном Тибете», в котором, в частности, описал сложности, возникшие вследствие необходимости вести наблюдения с позиции «буддиста-паломника»:

Почтенное собрание, без сомнения, вправе ожидать от нас большего, чем могли дать простые паломники, а между тем как трудно дать значительные сведения тому, кто проник в запретную страну под видом такого паломника и в сношениях с местными жителями должен был представлять простого же паломника, ищущего в священной стране душеспасительного, ежеминутно опасаясь, чтобы чем-нибудь не выделиться из среды своих товарищей-монголов и не дать повода даже малейшему подозрению в нем человека, причастного к европейцам! [Цыбиков, 1991б. Т. 2: 10].

Цыбиков специально готовился к этому труднейшему предприятию. До поездки в Тибет он приобрел опыт полевой работы в Забайкалье, участвуя в деятельности специальной комиссии, изучавшей землепользование в крае. Кроме того, Цыбиков изучал язык, обычаи, социальный строй и экономику Тибета по доступным ему источникам.

В докладе Географическому обществу Цыбиков суммировал главные направления, по которым он вел наблюдения, и представил обобщенную информацию по географии, климату, этнографии, формам хозяйственной жизни, управлению и религии Тибета. Также путешественник изложил ряд конкретных сведений по внешней торговле Тибета и сделал вывод о том, что «Россия едва ли может рассчитывать на Тибет как на выгодный рынок сбыта своих товаров, но иметь сношения с Тибетом для нее важно в том отношении, что это центр ламаизма, к которому прикованы помыслы современных монголов, из коих около полумиллиона под названием бурятов и калмыков находится в русском подданстве» [Там же: 25].

Цыбиков вел подробный дневник путешествия по Тибету, на основе которого построена книга «Буддист-паломник у святынь Тибета», впервые опубликованная в 1919 г.

На описание Цыбиковым повседневной жизни буддийских монастырей Тибета во многом повлияло, как мы предполагаем, сочинение его наставника Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей...»

[Позднеев, 1887]. Во всяком случае, структурные единицы обоих описаний совпадают: управление монастырем, иконография и главные святыни монастыря, содержательный аспект обучения монахов, буддийские ритуально-обрядовые комплексы. Так же как и Позднеев, Цыбиков включал в запись своих наблюдений фрагменты буддийских сочинений, дополняющие и объясняющие увиденное.

Задачи путешествия Цыбикова не исчерпывались изучением собственно буддизма, но касались многих других аспектов центрально-азиатской культуры. Буддизму в книге уделено преобладающее внимание в силу его исключительной роли в тибетской жизни.

В результате тибетского путешествия Цыбикову удалось не только собрать разнообразные уникальные сведения, сделать фотографии Лхасы и ее окрестностей, но и приобрести коллекцию ксилографов для Географического общества, позже переданную в Азиатский музей, ныне — Институт восточных рукописей РАН.

Анализ замысла, подготовки и результатов путешествия Г. Ц. Цыбикова позволяет выявить принципиально новый тип подготовки российского путешественника в Тибет: это человек, принадлежащий к этносам, традиционно исповедующим буддизм, но при этом — европейски подготовленный востоковед-буддолог. Наиболее подходящим кандидатом для российских полевых исследований буддизма в Тибете на рубеже веков мог быть избран бурят или калмык, способный к гуманитарным наукам и прошедший специальное обучение в области языков и духовной культуры Центральной Азии.

Экспедиционные дневники Г. Ц. Цыбикова начали готовить к изданию в 1904 г., однако выход в свет монографии «Буддист-паломник у святынь Тибета» задержался до 1919 г. [Цыбиков, 1919]. Необходимо подчеркнуть, что последующие переиздания, предпринятые в рамках издательского проекта «Цыбиков Г. Ц. Избранные труды в двух томах» [Цыбиков, 1981; 1991], не содержат всего объема богатого иллюстративного материала, как предоставленного автором дневника, так и подобранного редколлекцией первого издания по проблемно-тематическому принципу. Это объективно делает библиографический раритет 1919 г. более полным источником для характеристики научного значения сведений, зафиксированных путешественником. Так, Цыбиков наряду с подробными описаниями буддийских монастырей подготовил схематические зарисовки храмовых интерьеров, планы монастырских территорий, что представляет собой существенный аспект его самостоятельного вклада в тибетоведение.

В первом издании дневников Г. Ц. Цыбикова на обороте титульного листа указан состав редакторов: А. В. Григорьев (его памяти посвятил книгу автор), С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, К. И. Григорьев

ева (все — действительные члены Русского географического общества) [Цыбиков, 1919]¹.

Иллюстрации составляют самостоятельную ценную часть издания (в переизданиях 1990-х гг. они воспроизведены лишь частично). Анонсируя перечень иллюстраций, редколлегия осветила замысел сформировать тематическую подборку изображений буддийских центральноазиатских артефактов, содержательно коррелирующих с текстом Г. Ц. Цыбикова, но, что существенно, не исчерпываемых его личными прорисовками, планами храмов, фотографиями. Критерий отбора — минимизировать воспроизведение уже публиковавшихся ранее изображений [Цыбиков, 1919: 463]. Источниками иллюстративного материала послужили российские музейные коллекции, в основном — Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого при Императорской Академии наук. Помощь в подборе материала оказывал Агван Доржиев [Там же].

На основании перечня иллюстративного материала [Там же: 463—468] можно выявить аспекты религиозной повседневности и этнографической действительности Тибета, которым составители посчитали необходимым дать визуальное сопровождение.

Соотнесение с текстом, разнообразие видов иллюстративного материала (пейзажные фотографии, образцы икон-танок, храмовой пластики, планы строений и интерьеров, карты) наводят на мысль, что эта огромная работа была предпринята представителями буддологической школы С. Ф. Ольденбургом и Ф. И. Щербатским в рамках решения определенной задачи, выходящей за рамки иллюстрирования дневников Цыбикова. Весьма вероятно, что это было конкретным воплощением замысла С. Ф. Ольденбурга о подготовке справочных изданий для путешественников в Центральную Азию.

Так, в 1903 г. в информационной заметке об образовании Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии С. Ф. Ольденбург среди задач Комитета на перспективу предложил:

<...> пользуясь богатым материалом многочисленных русских экспедиций, озаботиться изданием справочной книги для путешественников по Средней Азии и Крайнему Востоку. Этим Комитет оказал бы существенную услугу для всяких дальнейших экспедиций, как русских, так и иностранных [Ольденбург, 1903: 47].

Изданий РКИСВА, удовлетворяющих этому замыслу полностью, по имеющимся у нас сведениям, не предпринималось. Однако концепция эта, полагаем, легла в основу работы редакции дневников путеше-

¹ В переиздании [Цыбиков, 1991] эта информация не сохранилась.

ствия Г. Ц. Цыбикова в Тибет. Только этим можно объяснить включение в состав первого издания «Буддиста-паломника» 246 (!) иллюстраций, из которых далеко не все были результатом путешествия, и то, что в книге они помещены строго как визуальное сопровождение текста.

Необходимо подчеркнуть, что именно успех миссии Цыбикова сделался важным стимулом для целенаправленной подготовки к следующему российскому путешествию в Тибет.

Базар Барадиевич Барадийн (1878—1937) родился в Забайкалье в семье бурята-скотовода. Очень рано Барадийн оказался в Петербурге и обучался в 1896—1898 гг. в частной бурятской гимназии П. А. Бадмаева. Потом юноша возвратился на родину, а в 1900 г. в качестве переводчика при некоем бурятском купце путешествовал вместе с ним по Европе и посетил Германию, Швейцарию и Италию. По возвращении Барадийн поступил вольнослушателем в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков, где изучал санскрит, тибетский и монгольский языки [Автобиография, 1992: 116].

В 1903 г. был сформирован Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (РКИСВА). В его состав наряду с представителями научных ведомств входили представители важнейших министерств: Иностранных дел, Военного, Финансов, Внутренних дел и Народного просвещения. Новое учреждение использовало опыт Русского географического общества в исследовании Центральной Азии. Однако, и это представляется существенным, новая структура по уставным целям была более приспособлена к решению религиоведческих задач. Члены Комитета академики С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской внесли предложение привлечь представителей буддийских этносов к экспедиционному изучению Тибета. Поскольку в это время Барадийн обучался у Ольденбурга и Щербатского, то именно на него и было решено возложить следующую научную миссию в Тибет.

Рассмотрим в хронологическом порядке на основе протоколов заседаний РКИСВА последовательную работу по реализации проекта подготовки Б. Б. Барадийна к путешествию в Тибет. Инициировали и вели этот проект крупнейшие представители Санкт-Петербургской буддологической школы — С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской.

Доложено следующее предложение С. Ф. Ольденбурга и Ф. И. Щербатского:

Исследование Тибета в XIX столетии выпало на долю главным образом России и Англии. Невозможность для европейцев проникнуть во многие места внутри Тибета породила в Англии мысль воспользоваться индийскими пандитами, которые и совершили ряд блестящих экспедиций в Тибет и в широкой мере обогатили наше знание этой страны. Но

пандиты преследовали главным образом цели разведочные и географические, и потому до сих пор исследование тибетского буддизма и научных сокровищ буддийских монастырей, верных хранителей индийских махаянических преданий, находится вполне в зачаточном состоянии. Между тем только знакомство с тибетско-индийской ученостью и может поставить на твердую почву изучение буддизма.

В лице наших бурят, из которых многие проходят строгую монастырскую школу, мы имеем лиц, вполне способных стать настоящими пандитами и сделаться надежными помощниками в деле исследования индийско-тибетской письменности. В настоящее время в С.-Петербурге находится бурят агинского ведомства г. Барадин, человек весьма способный и живо интересующийся буддийской литературой, в которой он обладает уже и теперь весьма серьезными познаниями. Мы позволяем себе поэтому предложить, после переговоров с г. Барадиным, следующее: Комитет обеспечивает г. Барадина на четыре года, выдавая ему по 600 р. в год; в течение трех лет г. Барадин занимается в С.-Петербурге под руководством гг. Ольденбурга и Щербатского, которые принимают на себя нравственную ответственность за г. Барадина перед Комитетом; четвертый год г. Барадин проводит в одном из больших монастырей, например, Гумбуме или Лабране, для того, чтобы основательно ознакомиться с приемами научных занятий в больших буддийских научных центрах. По истечении четырех лет, по нашему мнению, г. Барадин будет вполне готов для поездки в Лхасу, где он явится лицом, могущим внушить к себе, благодаря знанию особенно санскрита, уважение местных ученых и через них получить доступ в старинные монастырские библиотеки. Тогда уже прямо начнется его научная самостоятельная деятельность, от которой, по нашему глубокому убеждению, наука может ожидать много ценных и новых материалов.

В настоящем году мы просили бы ассигновать по 50 р. за месяцы август по январь — 250 руб., ранее того г. Барадин будет находиться в командировке от Академии наук². Кроме того, 250 руб. на приобретение фотографического аппарата с соответствующими принадлежностями. Итого 500 рублей [Протоколы РКИСВА, 1903, 26 апреля: 2—3].

В мотивирующей части этого предложения, как видим, содержатся базовые установки Санкт-Петербургской буддологической школы о необходимости обследования монастырей на предмет получения сведений о буддийской литературе и постановке образования. Командировка Барадина в Забайкалье также освещалась в Комитете:

Доложено следующее предложение С. Ф. Ольденбурга:

«Летом минувшего года, по моему представлению, Академия наук командировала с научною целью в Забайкалье бурят гг. Б. Б. Барадина и Ц. Ж. Жамцаранова. Первый должен был исследовать дацаны с религи-

² Имеется в виду командирование Б. Б. Барадина в Забайкалье с целью изучения буддийских монастырей.

озно-бытовой стороны, а также собрать сведения о технике забайкальских зурачинов. Второй должен был собрать образцы бурятской народной словесности и ознакомиться с бытом шаманствующих бурят. Как г. Барадин, так и г. Жамцаранов превосходно выполнили данные им поручения, доказательством чему служат как собранные ими материалы, так и чрезвычайно обстоятельно веденные дневники, с которыми ознакомились уже кроме меня и Д. А. Клеменц и А. Д. Руднев.

В настоящем году позволю себе предложить Комитету командировать гг. Барадина и Жамцаранова в Забайкалье для продолжения начатых работ. Срок командировки их был бы от 4—5 месяцев.

При этом я просил бы выдать им на расходы по 200 рублей каждому, кроме того, выхлопотать бесплатный проезд до ст. Могойтуй и обратно, а также открытые листы: г. Барадину для Забайкальской области, г. Жамцаранову для Забайкальской области и Иркутской губернии.

Сверх того я считал бы чрезвычайно желательным снабдить г. Жамцаранова фотографическим аппаратом для снимков этнографического характера. Ассигновать на это просил бы 100 рублей, а всего 500 рублей».

Определено: согласиться с этим предложением, с тем чтобы С. Ф. Ольденбург принял на себя наблюдение за разработкой результатов предполагаемой экспедиции [Протоколы РКИСВА, 1904, январь: 10—11].

Следующая концептуальная идея санкт-петербургской буддологической школы о сотрудничестве с представителями образованного буддийского монашества в работе с буддийским письменным наследием также отражена в документах РКИСВА.

С. Ф. Ольденбург внес от имени Ф. И. Щербатского и своего следующее предложение, единогласно принятое собранием:

«Присутствие в Петербурге ученого бурятского ламы из Агинского дацана Данзина Зарбаина могло бы быть, по мнению нижеподписавшихся, использовано в целях выполнения некоторых задач Комитета, уже ранее намеченных. Как известно Комитету, мы подготавливаем молодого бурята г. Барадина для занятий в тибетских монастырях. Представляется поэтому весьма желательным поставить его отчасти и под руководство ученого ламы, который мог бы своими указаниями приготовить его к особенностям ученого обихода ламайских монастырей, от знакомства с которым в значительной мере зависит количество ученого материала, который может получить исследователь в ламайском монастыре.

Еще в большей мере мог бы воспользоваться пребыванием здесь ученого ламы Ф. И. Щербатской, который имеет намерение в возможно близком будущем ознакомиться на местах с постановой философского преподавания в ламайских монастырях и проследить, в какой мере здесь сохранились старые индийские методы и предания.

Наконец, и по целому еще ряду вопросов явилась бы возможность использовать пребывание здесь ламы Зарбаина.

Считая необходимым вознаградить его за то время, которое он уделит бы для научных занятий в желательном для нас направлении, мы бы полагали просить Комитет об ассигновании ему 60 руб. в месяц, считая с октября и кончая маем, крайний срок, который он мог бы остаться в С.-Петербурге» [Протоколы РКИСВА, 1904, 13 ноября: 2].

Промежуточные результаты полевой работы по линии РКИСВА, что примечательно, оперативно использовались в академических проектах. Так, С. Ф. Ольденбург в тот период активно сотрудничал с А. Грюнведем в публикации образцов буддийской художественной культуры. В документах есть сообщение об этом:

Доложено собранию, что некоторые предметы буддийского искусства из находок гг. Барадина и Жамцаранова переданы проф. Грюнведю для издаваемой им работы и с разрешения бюро увезены им в Берлин [Протоколы РКИСВА, 1904, 13 ноября: 3].

Ход подготовки и развитие проекта буддологического обследования Тибета отражены в отчете РКИСВА за 1904 г.:

Продолжались начатые в 1903 году подготовительные работы для снаряжения экспедиции в Тибет с целью исследования рукописных сокровищ ламайских монастырей. Кроме стипендии, выдававшейся, по примеру 1903 года, подготовляющемуся для этой экспедиции г. Барадину, Комитет ассигновал ежемесячное пособие находящемуся в настоящее время в Петербурге ученому ламе Данзину Зарбаину, имеющему возможность дать полезные указания для будущих работ экспедиции. Сведениями ламы Зарбаина предполагает воспользоваться также член Комитета Ф. И. Щербатской, выразивший намерение в возможно близком будущем совершить поездку в Тибет с целью ознакомиться на месте с постановкою философского преподавания в современных ламайских монастырях [Отчет РКИСВА, 1904: 19].

Целенаправленная деятельность Ф. И. Щербатского в РКИСВА осуществлялась им в перспективе собственной поездки в Тибет, по не зависящим от него причинам не состоявшейся. Документы РКИСВА проливают свет на политическую составляющую этих причин и на тот факт, что научные общества востоковедной направленности не могли действовать вразрез с интересами государства и должны были учитывать внешнеполитическое измерение своей активности.

Под председательством В. В. Радлова присутствовали: А. В. Григорьев, В. А. Жуковский, К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург, князь Э. Э. Ухтомский.

Председатель сообщил, что экстренное заседание Комитета созвано ввиду присланной Ф. И. Щербатским телеграммы о том, что Далай-лама предлагает г. Щербатскому сопровождать его в Тибет, где г. Щер-

батской найдет обильный материал для научных исследований. При этом Ф. И. Щербатской заявлял, что крайне желательно было бы участие Б. Б. Барадина в этой поездке.

С. Ф. Ольденбург передал Комитету содержание своей беседы с товарищем министра иностранных дел князем Оболенским, который вполне определенно высказал, что просит в настоящее время не командировать г. Щербатского в Тибет ввиду могущих от этого произойти дипломатических осложнений. На основании этого отзыва Комитет постановил отложить командировку Ф. И. Щербатского до более благоприятного времени [Протоколы РКИСВА, 1905, 7 июля].

Таким образом, косвенно подтверждалась адекватность историческому контексту экспедиционной модели «буддист-паломник»: поездка Щербатского как российского ученого могла вызвать нежелательный политический резонанс, а бурят-паломник Барадийн не привлекал негативного внимания.

Итак, канва подготовки путешествия Б. Барадийна выглядит следующим образом. Русский комитет принял четырехлетний план подготовки Барадийна, согласно которому Ольденбург и Щербатской должны были три года преподавать ему санскрит, буддийскую философию, историю, а на четвертом году предполагалась поездка в монастыри Лавран и Гумбум, а затем — в Центральный Тибет и Лхасу.

Ввиду серьезности и ответственности такого предприятия основатели Санкт-Петербургской буддологической школы в организационных рамках РКИСВА разработали план предварительной полевой подготовки Б. Барадийна.

В 1903 г. Русский комитет командировал Барадийна в Забайкалье для изучения буддийской иконографии и жизни дацанов — монастырей-университетов. Эта предварительная работа, продолжавшаяся и в 1904, и в 1905 гг., способствовала лучшему ознакомлению с практикой монастырской жизни. Существенно, что в основе этого плана лежала концептуальная идея Ф. И. Щербатского о типологическом сходстве монастырей Забайкалья и Тибета в аспекте организации и образовательного процесса.

Благодаря своему авторитету среди буддийских иерархов Щербатской получил приглашение Далай-ламы XIII сопровождать его в Тибет из Монголии, куда глава центральноазиатских буддистов бежал во время английской интервенции. По прибытии в Ургу (ныне Улан-Батор) Щербатской рекомендовал Русскому комитету прислать Барадийна, с тем чтобы он отправился в Лхасу в свите Далай-ламы. Барадийну удалось присоединиться к окружению Далай-ламы, но отъезд иерарха на родину откладывался, и было решено направить исследователя в Лавран. Непосредственные впечатления, наблюдения и конкретные разнообразные сведения о жизни монахов в монастыре Лавран были обобщены путешественником в очерке «Путешествие в Лав-

ран» [Барадийн, 1908]. Характерно, что предварительное публичное оглашение результатов путешествия, инициированного РКИСВА, состоялось в Географическом обществе. Публикации очерка в Известиях РГО предшествовали два доклада Барадийна в Географическом обществе: в Годовом общем собрании (30 января 1908 г.) и в Отделении этнографии (15 февраля 1908 г.)³. Таким образом, Географическое общество было площадкой для обнародования результатов путешествий, даже если экспедиция инициировалась другими учреждениями и организациями.

В очерке и, соответственно, в презентационных докладах РГО Барадийн изложил широкий круг сведений: о своих беседах с Далай-ламой XIII в Урге, о национальном характере тибетцев, об их отношении к европейцам. В отличие от Г. Цыбикова, посетившего главные монастыри Тибета и Лхасу, Барадийн дал углубленное и многоаспектное описание повседневной жизни и организации одного крупного монастыря — Лаврана, в котором находился около 8 месяцев.

В РКИСВА, что принципиально, хорошо понимали, что успех миссии Барадийна был в значительной степени обусловлен его специальной буддологической подготовкой. Так, в протоколе заседания 10 декабря 1907 г. указано, что доклад С. Ф. Ольденбурга о результатах поездки Барадийна одобрен, и было постановлено выразить благодарность Ф. И. Щербатскому и С. Ф. Ольденбургу, «подготовившим его (Б. Б. Барадийна. — *Т. Е.*) к производству научных работ» [Известия РКИСВА, 1908: 9].

Необходимо указать, что именно подготовка Б. Б. Барадийна как буддолога положительно повлияла на отчетливость и структурированность его сведений о Лавране. Именно это способствовало востребованности «Путешествия в Лавран» как источника. Так, словацкий исследователь М. Слободник обратил внимание на описания Лаврана в работах П. К. Козлова, который побывал в Лавране в рамках Монголо-Сычуаньской экспедиции РГО: П. К. Козлов опирался на очерк Барадийна, а не на свои наблюдения [Slobodnik, 2014: 245—246]. Это дополнительно подтверждает верность идеи Ольденбурга и Щербатского о необходимости специальной буддологической подготовки путешественников-исследователей монастырей.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сформулировать вывод о значительной роли Русского географического общества как исторически первой формы институционализации полевых исследований буддизма в 1870-х—1910-х гг. Будучи научным обществом с добровольным индивидуальным членством, РГО располагало значи-

³ Путевые дневники этого путешествия Б. Барадийна хранятся в Архиве востоковедов ИВР РАН. Они были опубликованы только в 1999 г. (см.: [Барадийн, 1999]).

тельным административным и финансовым ресурсом для снаряжения актуальных экспедиций, имело информационный ресурс (развитая тематически разнообразная научная периодика), систему поощрения результативных путешественников-исследователей (премии и медали), т. е. обеспечивало их социальное признание.

По мере возрастания актуальности экспедиций на Восток с религиозными и культурологическими целями был учрежден РКИСВА, который более эффективно решал новые в дисциплинарном отношении задачи.

Необходимо также отметить исключительную роль РГО и РКИСВА в пополнении коллекций академических музеев. Так, коллекции рукописей и ксилографов, привезенные Г. Цыбиковым, а потом Б. Барадийном, дополнили Тибетский фонд Азиатского музея. Наряду с рукописями путешественники привозили образцы храмовой утвари и иконографии, этнографические артефакты. Процесс пополнения коллекций Музея антропологии и этнографии (МАЭ РАН) в настоящее время активно исследуется его сотрудниками (см.: [Иванова, 2009; Кисляков, 2010; 2013]). В результате установлены поступления от РГО и РКИСВА, в том числе от Б. Б. Барадийна. В период функционирования РКИСВА необходимо отметить существенную роль В. В. Радлова, совмещавшего посты председателя РКИСВА и директора МАЭ. Он, как следует из документов РКИСВА, рассматривал интересы МАЭ как приоритетные по сравнению с другими академическими музеями. Так, печатные экземпляры фотографий из путешествия Б. Б. Барадийна поступили в Азиатский музей, а негативы — в МАЭ наряду с образцами тибетской иконографии [Известия РКИСВА, 1908: 10].

Таким образом, классики Санкт-Петербургской буддологической школы активно действовали и в РГО, и в РКИСВА, в значительной степени продвигая концептуализацию полевых религиозно-исследовательских исследований.

Список литературы

Автобиография, 1992: Автобиография Барадийна Б. Б. // Orient. Вып. 1. СПб., 1992.

Андреев, 2013: *Андреев А. И.* Организация и финансирование // Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870—1920-е гг. : сб. ст. / под ред. А. И. Андреева. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 56—82.

Барадийн, 1908: *Барадийн Б. Б.* Путешествие в Лавран // Известия Русского географического общества. Т. XLIX, вып. 4. СПб., 1908. С. 183—232.

Барадийн, 1999: *Барадийн Б. Б.* Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника 1906—1907 гг. Улан-Удэ; Улан-Батор, 1999.

Иванова, 2009: *Иванова Е. В.* Хроника поступления буддийских коллекций в МАЭ РАН. Восточная Азия: Вещи, история коллекций (Сборник МАЭ. Т. LV). СПб. : Наука, 2009. С. 145—210.

Известия РКИСВА, 1908: Известия РКИСВА. 1908. № 8.

Кисляков, 2010: *Кисляков В. Н.* Коллекции по Центральной и Восточной Азии МАЭ РАН, полученные от участников экспедиций Русского географического общества // Кюнеровский сборник : Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Вып. 6. 2008—2010. СПб. : МАЭ РАН, 2010. С. 181—193.

Кисляков, 2013: *Кисляков В. Н.* Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА) и коллекции по Восточной Азии МАЭ РАН // Кюнеровский сборник : Материалы Восточноазиатских и Юго-Восточноазиатских исследований. Вып. 7. 2011—2012. СПб. : МАЭ РАН, 2013. С. 114—131.

Ольденбург, 1903: *Ольденбург С. Ф.* Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Часть CCCIL. № 11, отд. 4. С. 44—47.

Ольденбург, 1904: *Ольденбург С. Ф.* Новейшая литература о Тибете // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. Часть CCCLVI. № 11, отд. 2. С. 129—168.

Отчет РКИСВА, 1904: Отчет о деятельности РКИСВА за 1904 г. СПб., 1904.

Позднеев, 1887: *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу // Зап. Русского геогр. о-ва по отд-нию этнографии. Т. XVI. СПб., 1887.

Позднеев, 1897: Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского База-Бакши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями / сост. А. М. Позднеев. СПб., 1897.

Пржевальский, 1879: *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов. СПб., 1879.

Пржевальский, 2010: *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов // Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. Монголия и страна тангутов. М. : Дрофа, 2010.

Протоколы РКИСВА: Протоколы РКИСВА 1903—1905. СПб., 1905.

Устав РГО: Устав Императорского Русского географического общества. СПб., 1898.

Цыбиков, 1919: *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета. По дневникам, веденным в 1899—1902 гг. СПб., 1919.

Цыбиков, 1981: *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды : в 2 т. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1981.

Цыбиков, 1991: *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды : в 2 т. 2-е изд., перераб. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991.

Цыбиков, 1991а: *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды : в 2 т. 2-е изд. Т. 1: Буддист-паломник у святынь Тибета. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991.

Цыбиков, 1991б: *Цыбиков Г. Ц.* О Центральном Тибете (читано 7 мая 1903 года в общем собрании РГО) // Цыбиков Г. Ц. Избранные труды : в 2 т. 2-е

изд., перераб. / отв. ред. Р. Е. Пубаев. Т. 2. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991.

Slobodnik, 2014: *Slobodnik M.* Labrang Monastery in the eyes of P. K. Kozlov and other foreign visitors // Российское изучение Центральной Азии: исторические и современные аспекты (к 150-летию П. К. Козлова) : сб. ст. / отв. ред. К. В. Чистяков ; ред.-сост. Т. И. Юсупова. СПб. : Политехника-сервис, 2014. С. 241—257.

Tatiana V. Ermakova

The Approach of the St. Petersburg School of the Buddhist Studies to Exploration of the Buddhist Monasteries of Tibet

The article evaluates scientific and organizational contribution of S. F. Oldenburg and Th. I. Stcherbatsky to the organization of expeditions to Tibet initiated by the Russian Geographic Society and the Russian Committee for the Study of Central and Eastern Asia. Materials relating the expeditions of G. Tsybikov and B. Baradiin were used to demonstrate how the theoretical approaches of the St. Petersburg School of the Buddhist Studies influenced their aims and achievements.

Key words: Russian Geographic Society (RGS), Russian Committee for Central and Eastern Asia explorations (RCCAE), Buddhist monasteries, A. M. Pozdneev, G. Tsybikov, B. Baradiin.